

Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница

В нектором было царстве, в нектором было государстве, жил-был князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич. Выходил князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич на свой высокий крылец и кричал своим громким голосом: «Сходитесь, князя и бояре и сильные могучие богатыри, ко мне на высок на красён крылец, и буду я у вас просить просьбу, и сослужите мне службу, а не службу — дружбу. Кто ж бы съездил на реку на Смородину, убил бы змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах?» Все друзья-бояре сходились и его приказу боялись, и друг за дружку прятались: барин за барина, дворянин за дворянина, мужик за мужика. Выбирался из них один Алеша Попов сынок: жеребьячей родни, и говорит князю Володимиру: «Я вам сослужу службу, а не службу — дружбу; съезжу на реку на Смородину, убью змея о двенадцати головах, о двенадцати хоботах». И выходит вперед, подходит к князю вплоть и говорит: «Князь Володимир, пожалуйста мне водки: у меня с похмелья головушка болит!» Приказал князь дать ему водки зелена вина пол ведра. Он же, Алешенька Попов сынок, ее одной рукой принимал и одним духом выпивал. Говорит Алеша Попов сынок: «Эх, князь володимир Красное Солнышко Суслаевич, хороша бражка да мала чашка. И так я, добрый молодец, только опохмелился!» И стал просить Алеша Попов сынок у князя на неделю сроку приизыскать себе еще двоих товарищей. Князь отвечал ему: «Алеша Попов сынок, вот тебе сроку на два месица, только съездий».

Алешенька ходил по деревням, по кабакам и по трактирам и нашел себе товарища, доброго молодца Добрынюшка, сына Микитьича. Говорит ему: «Здравствуй брат, добрый молодец Добрынюшка, сын микитьич! Пойдем со мной сослужить службу князю Володимиру Красному Солнышку Суслаевичу, съездить на реку Смородину, убить змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах». Отвечает добрый молодец Добрынюшка на ответ его слово: «Я, брат, молодец Алешенька, готов бы тебе службу служить, да только головушка с похмелья болит, не можется». Отвечает Алешенька: «Пойдем, я тебя опохмелю». Повел же Алешенька к князю Володимиру. Приходят к его крыльцу; говорит Алешенька князю: «Князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич, пожалуйста водки, зелена вина ведро». Князь Володимир приказал вынести зелена вина ведро. Добрый молодец Добрынюшка одной рукой принимал, единым духом выпивал. «Благодарю,

брат, Алеша, Попов сынок, что меня опохмелил; готов служить службу до жизни веку». Сказал ему Алешенька: «Поди, брат, погуляй, а я себе третьего товарища приищу». Ходил несколько Алеша Попов сынок по кабакам, по трактирам и по селеньям и не мог себе третьего товарища найти. При край же того селенья кабачишка стоит на боку, и боком в него не влезешь, и тут самое гадное место, где пьяные ходят до ветру, и тут валяется человек, весь в дряне заморанный. Он посмотрел в лицо — лицо его знакомое. Стал он его будить и стал его трыкать, и в ж.. у его стал пинком пинать. И вдруг он проснулся, глаза открыл и смотрит на него. «Что ты, брат, меня будишь и трыкаешь, и в ж.. у пинком пинаешь? Узнал ли ты меня?» — «Как тебя мне не узнать? Здравствуй, Ивашка Белая рубашка, горький пьяница! Я третий день тебя ищу. Как мне тебя нужно!» Отвечает ему Ивашка Белая рубашка, Горький Пьяница: «Что тебе меня, брат, нужно, Алеша Попов сынок?» Отвечает ему Алеша Попов сынок со слезами: «Я, братец, до твоей просьбы. Просит князь нас и вас сослужить ему службу, а не службу — дружбу: съездить на реку на Смородину, убить змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах». Сказал Алеше, Попову сынку, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Готов служить; только не могу: головушка болит. Вечор я у друга на балу был». Отвечает Алеша Попов сынок ему: «Эх, брат, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, пойдём, я тебя опохмелю!» Встает с радостью Ивашка; встал, встряхнулся, на все на четыре стороны оглянулся. «Куды же, братец, ты меня поведешь опохмелиться?» Говорит Алеша Попов сынок: «Иди за мной!» Подводит к князю на крылец, кричит Алеша Попов сынок: «Князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич! Поддай чару зелена вина в полтора ведра! Нашел я третьего себе товарища, у него с похмелья головушка болит, и не может он слов говорить и службу служить». Князь Володимир выходит и вина выносит полтора ведра. Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, одной рукой принимал, единым духом выпивал и говорит Алеше Попову сынку: «Ну, брат, Алексей, теперь я опохмелился; это, нам проклажаться нечего, а надо куды вздумали ехать». Говорит Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «О, братцы-товарищи! Поедемте в мои заповедные луга! В моих заповедных лугах ходит табун коней!»

Приходят они в заповедные луга, стали коней выбирать. Алеша Попов сынок первого коня себе нашел. Добрынюшка молодец, сын Микитьич, второго коня себе нашел. В третий раз Ивашка пошел сам себе коня искать. Ходил, несколько обошел коней, не мог себе найти такого коня, чтоб во веки мог ему служить. Которого возьмет за гриву — голову оторвет, которого за хвост — хвост выдернет; наложит на спину — спина переломится.

Обратился Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, на восход красного солнышка, закричал своим громким голосом, богатырским: «Гой еси, где ты мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхал же Сивка-Бурка голос хозяйский; шибко бежит, аж земля дрожит, из ушей дым столбом валит, изо рту пламя пышет. Он в одно ушко влез, напился, наелся; в другое вылез — чище того нарядился. И так стал добрый молодец ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. И так добры молодцы сели на добрых коней, поехали во чисто поле, во дикую степь. Горы, доли перепрыгивают, темные леса между ног пускают. Было им ехать на то место, на реку на Смородину три года, они доехали в три месяца. Приезжают на реку на Смородину; на реке на Смородине нет ничем ничего, один мост. И говорит Ивашка Белая Рубашка своим братцам-товарищам: «О, братцы-товарищи! Давайте себе выстроим хижинку». И стали лес таскать. Как захватят — из корню выдернут, не очистивши сучки, в стóпы складывают, избу делают.

Настлали потолок, и пристигает их тут темная ночь, им будет тут должно ночевать. И говорит Ивашка: «Ну, братцы-товарищи, давайте кониться, кому достанется в избеночке спать, одному на путё на дороге, на мосту ночевать. Стали кониться, и досталась первая ночь ночевать Алеше Попову сынку, ночку ночевать и на карауле стоять. Он, как за вечеряло, берет свою сбрую ратную и копье булатное и отправляется на мост, на дорогу. Немного постоял — дрема его одолела, крепко спать захотел и думает себе: «Дай пойду малость отдохну, потом проснусь». Лег ненарочно и проспал всеё ночь. А Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице темная ноченька не спится, подушечка в головушках вертится. Встал, встряхнулся, на все на четыре стóроны оглянулся и пошел в путь-дорогу и встал на место Алёшино, где Алеша Попов сынок стоял, и сотворил Иисусовую молитву; выломил калинову мостовину. Встал добрый молодец, подперся и вдруг, словно открылась небесная колесница, и летит Змей о двенадцати головах и двенадцати хоботах, ногами топает, глазами хлопает, зубами скрэхчет и говорит Ивашке со страхом: «О, брат Ивашка, прежде русского духа слыхóм не слы́хано, видóм не видано, а теперь русский дух в очах появляется! Дунь, Ивашка, своим духом, повали лесу на́ версту, чтобы было нам с тобой где разойтись!» Отвечает ему Ивашка: «Дунь, — говорит, — ты, проклятый Змей, проклятыми свои челюстя́ми, повали лесу на́ версту, потому тебе нужно дунуть: я к тебе приехал гость и спорщик». Дунул Змей своими проклятыми челюстя́ми, повалил лесу на́ версту. Начинают биться и рубиться. Бились, рубились четыре часа ночи. Ивашка сбил с него четыре главы. Змей обращает и улетает назад. Ивашка обращается мушкой и полетает во погóнь Змея, в собственный его дом. В его собственном доме

Змеева матушка по горенке погуливала, Ивашку поругивала: «О курвин сын, прокурвин сын Ивашка, побивает мово дитятку ни за што! Когда поедет он во путь во дороженьку, сама я ему буду друг да не вдруг: напущу несколько жару, и захочет он испить. Я сделаю колодец, струб золотой, чару серебряну, воду сахарную. Влезет напиться, а я его затоплю».

Отобравши Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, ее поганые слова, отправляется в свою хижину, на свое место, и ложится на свою постель; а его братцы-товарищи не чуют, спят и уд..ы пузыри. Рассветало, день-белá заря. До завтрака проспали. Спрашивает же Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, Алешу Попова сына: «Не видал, брат, никого?» — «Ну, знать, брат, счастье твое, что не видал ты никого». (Ну, а где он увидит на постели-то?)

Приходит вторая ночь. Втает добрый молодец Добрынюшка, сын Никитыч, на означенное место, на путь на дорогу, на караул. Берет свою сбрую ратную и копьё булатное и встает на путь-дорогу, на калиновый мост. Немножечко постоял и крепко больно задремал. Лег ненадолго и сейчас спит. Всеё ночь проспал и никого не видал. А Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице, во второй раз темная ноченька не спится, и подушечка в головушках вертится. Встал, встряхнулся, на все на четыре стороны оглянулся и пошел на показанное место посмотреть. Сбруи ратной не имеет и копьё булатного не знает. Встал на пути на дороге, сотворил Иисусовую молитву, выломил калиновую мостовину и встал-подперся добрый молодец, стоит. Вдруг является лютый змей со страхом и говорит Ивашке: «Эх, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница! Дунь, на две версты лесу повали своим духом, чтоб было нам где разойтись». — «Ты дунь, неприятель, своими погаными челюстями, повали лесу на две версты!» Дунул Змей, сделал поля на две версты. И стали биться, рубиться. Бились, рубились еще четыре часа, как вдруг Ивашка размахнулся, смахнул с него враз четыре головы. Обращает лютый Змей от него назад. Оборотился Ивашка комариком, полетел за ним в погонь. Прилетает и садится на окошечко в его собственном доме. Змеева мамынька по горенке погуливала, Ивашку поругивала: «Ох, курвин сын, раскурвин сын Ивашка побивает мово дитятку ни за што! Я сама ему буду друг да не вдруг: как поедет со реки Смородины во путь во дороженьку, напущу на ихних коней великую тягу, не смогут ног тащить. Сделаю им сад зеленый, траву шелкову; в саду сделаю кровать тесову, подушки пуховы, одеяла шелковы. Они захочут добрых коней покормить и сами отдохнуть: я тут их и задушю».

Отобравши Ивашка ее поганые слова, отправляется в свою хижину, к своим братцам-товарищам. Говорит Ивашка: «Что, добрый молодец Добрынюшка, кого видел?» — Отвечает добрый молодец Добрынюшка: «Не видал, брат, никого». — «Ну, брат, счастье ваше, знать мое будет несчастье».

Завечеряло время немножечко. Водочки выпили, чайку покушали. Не ложивши ночи спать, пошел Ивашка в путь во дорожку, на калиновый мост. Встал на калиновом мосту, сотворил Иисусовую молитву, выломил калиновую мостовину и подперся ей. Дрема к нему близко нейдет, и сон его не берет. Тем же часом и временем является лютый Змей с великим шумом и великой бурей и так на Ивашку обращается злобно: «О, — говорит, — прежде у нас русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух в устах явится и в глазах мечется! Дунь, Ивашка, своим духом на три версты, распространи место, чтобы было нам с тобой где разойтись. Живого, — говорит, — сглотну!» Отвечает ему Ивашка: «Дунь ты своими нечистыми челюстями, на три версты повали лесу! Подавишься!» Змей как дунул, сделал три версты поля. Стали биться, рубиться: бились, рубились четыре часа, и сбил с него Ивашка четыре главы; думал последние, а оне все на нем, и Ивашка из сил вышел и стал ему кориться и говорит: «Змей, ох, брат, лютый Змей! Дай мне с родными распротиться! Приостановись малость!» И Змей крепко изустал, дал ему с родными распротиться. Он не ради с родными распрощенья, а для-ради братьев разбуденья. Скинул с левой ноги сапог, насыпал полон песку и кинул в свою хижину; конек с нее сбил: хочется братьев разбудить. Сшиб конек: они ничего не чувт. Змей лютый видит — дело — обман, опять на него бросается биться. Одна нога у Ивашки обувши, друга боса. Бились, рубились еще четыре часа. Ивашка обессилил и стал прощенья просить. «О, брат, лютый Змей, дай мне прощенья и родительского попросить благословенья!» Он не ради благословения, а ради братьев разбудения. Скидает Ивашка с правой ноги последний свой сапог, насыпает полон песку. Как махнул в свою хижину и потолок долой сшиб, а братья не чувт, спят крепкой рукой. Вдруг лютый Змей обращается на Ивашку опять. И бились, рубились полторы сутки; Ивашка обессилил, сделался и нагий и босый и стал просить у лютого Змея покаянья и для детей благословения заобщно, не ради детей благословенья, а ради братьев разбуденья. Скинул с своей буйной головы свою богатырскую шляпу, насыпал полную песку, и насыпавши в шляпу песку, бросил в свою хижину, в простенки. Простенки крепко застучали и врозь покатились. Его братья встrepенулись и видят на поляне пламя, и видят, что их брат-товарищ Ивашка Белая Рубашка в несчастьи. Взяли свою сбрую ратную и копья булатные и пошли на подмогу брату своему Ивашке. Пошли

добрые молодцы лютого Змея трепать, только стал головой мотать. Не поспеть глазами мигать, как его стали головы летать. Главы его порубили и в воду побросали и жисть его решили. Подходят добры молодцы к своей разваленной хижинке; подошли к ней. Ивашка и говорит своим братьям-товарищам: «Лягте, братцы, усните, а за мной есть делишко». Они с устатку легли, как мертвые покатались. Ивашка оборотился комариком и полетел к Змеевой матушке. Прилетает, а сударыня-матушка по горенке погуливает, Ивашку поругивает: «Ох, курвин сын, раскурвин сын Ивашка, убил мово дитятку ни за што! Я ему солью крест и пови́золочу: когда он поедет с реки со Смородины во путь во дороженьку, обращуся я с сенну́ю копну кошкой, разорву его на пути на дороге».

Он, отобравши ее поганые слова, отправляется куда ему нужно. Прилетает к своим братьям-товарищам; они спят. Он прилетает и братьев своих разбуждает: «Не́ коли нам спать, а поедемте во путь во дороженьку домой». Они вставали, добрых коней седлали; оседламши добрых коней, поехали домой. И сделался превеликий ужасный жар, и Алеша Попов сынок захотел пить: на коне не может сидеть и говорит: «Ох, братцы-товарищи! Пть хочу, слов говорить не могу!» Вдруг колодец является, Алексей с коня бросается и говорит своим братьям-товарищам: «Ох, братцы-товарищи, постойте, напьемся!» Говорит Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Что ты, Алеша Попов сынок, дурьей родни жеребеночек, с коня бросаешься, глохтить торопишься? Сам я слезу со добра́ коня и протведаю какова вода». Слезает Ивашка со добра́ коня, оголил свою саблю вострую и учал колодец рубить. Струбец расколел и воду завалил, и течет из него кровь и кость. И говорит Ивашка: «Вот, Алешинька Попов сынок, вот тут какая вода!» Сели на добрых коней и поехали. Ехали долго ли, много ли, и напала превеликая тягость на коней. Кони не могут ног тащить, и Алешенька Попов сынок не может на коне сидеть: крепко спать хочет. Является сад зеленый и трава шелковá (облажняет). И говорит Алеша Попов сынок: «Ох, братцы-товарищи! утеха-то какая — трава-то шелковáя! Коней-то хорошо покормить и нам хорошо на кроватке отдохнуть». Отвечает ему Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Постой, брат Алексей, я слезу с добра́ коня, посмотри какова кровать, и можно ли на ней спать». Слезает Ивашка со добра́ коня, оголил свою саблю вострую, восходит в зеленый сад, подходит к тесовóй кроватке. Стал рубить — только кровь да кости. Изрубил и в кучу поклат, и поехали путем-дорогой.

Много ли мало ли ехали, долгó ли короткó ли, и приходят три дороги, и говорит Ивашка Белая Рубашка своим братцам-товарищам: «Вот, братцы,

нам приходит расставанье. Давайте кони́ться, кому по которой дороге ехать будет». Стали кони́ться — Алеше досталось вправо; доброму мо́лодцу Добрынюшке, сыну Микитьчу — влево; несчастному Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице — прямо. Он с братьями распрощался, горькими слезами заливался. Распростились, поехали кто куда знает. Вдруг Ивашка обернулся назад: и бежит за ним кошка, с сennúю копну как сильный вихор, и кричит громким голосом: «Ох, Ивашка, топерича догоню, не упущу — разорву!» Видит Ивашка — дело плохо; слезает с добра́ коня, расседлывает и бросает черкасское седло. Чуть поспел сесть на добра́ коня, и разломала она черкасское седло, изгрызла, все съела. Он опять ускакал шибким бегом. Она же седло изорвала́ и опять его догна́ла. Он слез с добра́ коня, ударился бежать. Она начинает его доброго коня рвать. Изорвала́, мясо сожрала́, кости в кучу поклала́ и опять за ним в погонь погна́ла. Он бежит, что ни оглянется, бегу ногами прибавляется. И вдруг на его пути является кузница. В кузнице дверь железна запирается. В этой кузнице двенадцать кузнецов, добрых молодцев. Они куют, принаковывают; речь говорят, приговаривают. Он подбегает к кузнице со слезами, просится к ним: «Господа кузнецы, отверзите двери от кузницы, пустите меня, отведите от злой смерти! Поедает меня кошка с сennúю копну!» Кузнецы двери отворили, он туды мырнул. Она только за одежду не успела схватить. Заперли его в кузнице, и бегают кошка вокруг нее, с превеликим шумом и говорит: «О, господа кузнецы, отдайте мово не́друга!» Начала она грызть — одним часом прогрызла в рост свой дыру. Поколе она время продолжала, дверь прогрызала, они же все двенадцать молодцов положили двенадцатеро клещи в горны. Является она в кузницу; взяли они ее в руки, горячими клещами ее сжали и на наковальню клали, в двенадцать молотков ее били; за Ивашку застояли и сделали для Ивашки из ней доброго коня, и сажали Ивашку на доброго коня и посылали ехать круг своей кузницы: «Если этот конь объедет все четыре стороны, то может тебе во́ веки служить». Он же на коня не сажается, больше его опасается: сделан конь из несчастного человека, и из злобного, и из страшного, из немилостивого. Вдруг обдумал Ивашка своей буйной головой: «А скоро жив в руки не дамся!» Сел на добра́ коня и поехал. Объехал две стороны — конь развалился. Является к кузнецам в кузницу: «Так и так, конь развалился!» Господа кузнецы, добры молодцы, нагревают двенадцатеро клещи, берут злодейку во огненны клещи, выбивают из нее доброго коня для Ивашки, чтобы он мог Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице, во веки служить. Чище того сделали доброго коня, Ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел Ивашка на доброго коня, объехал круг четырехгранной кузницы, аки птица. Выходят

двенадцать кузнецов, добрых молодцов, поздравляют Ивашку с конем: «Что, Ивашка Белая Рубашка, ты же был, Горький Пьяница! В последнем кабаке зря валяешься, а нынче на дикой степе помыкаешься? Что, стоит ли конь того старого коня?» — «Благодарю, господа кузнецы, этот конь стоит того коня и может мне во век служить. Затем, господа кузнецы, прощайте!» Отвечают кузнецы: «Можешь, Ивашка отправиться, а на коне-то да пропадешь?» Подхватил слово Ивашка неладное, обращается назад к кузнецам: «Что, господа кузнецы, научите глупого на разум». — «А то-то, — говорят, — Ивашка Белая Рубашка, ты же был горький пьяница, не хвались в пир идучи, а хвались из пиру. Поедешь путем-дорогой, кажному кланяйся, догонишь: «Мир дорогой, добрый человек»; кто при дороге работает: «Бог на помощь» сказывай и старику, и доброму молодцу и баушке, и молодежи; придется сказать красной девице, и ей скажи». — «Слушаю, господа кузнецы, приказанье ваше!» Ударил доброго коня по крутым бедрам — только его кузнецы и видели. Улетел как млад ясен сокол. Под ним его добрый конь горы-долы перепрыгиват, темные леса между ног пускат, большие дороги хвостом застилает. И проехал, и многое множество и несколько людей перегонял, и сказывал: «Мир дорогой», встречающим кланялся. При большой дороге красная девица жнет пошеницу. Космы ее по плечам лежат, сопли ее на губах лежат. Нужно Ивашке Белой Рубашке сказать ей: «Бог на помощь!» Его сердце к ней не обращается. «Что же я, славуций, сильный, могучий богтырь, мало со мной спорщиков, и неужли же, — говорит, — я этакой соплюхи не стою? Не скажу ей: «Бог на помощь!»» И поехал мимо ее. Не больше отъехал расстояние трех саженьей, красная девица закричала громким голосом: «Ох, Ивашка Белая Рубашка, ты же Горький Пьяница, кузнецов наказ не исполняешь!» (Она угадала что те наказывали Ивашке).

Услыхал Ивашка красной девицы голос, что она говорит справедливо, обращается Ивашка на своем на добром коне к красной девице, слезает с своо доброго коня и сказыват: «Бог тебе на помощь, красная девица! Прости меня Христа ради! Не исполнил я кузнецов наказ!» Главу ее повязал, сопли платком утирал, во сахарные уста ее целовал. «Прости Христа ради, красная девица!» Отвечает красная девица ему: «Просящего Бог прощает, и я тебя прощаю, а не надо бы так тебе делать. Ну, поезжай с Богом, куды ты вздумал. Попадется тебе царь Дорода на одной ноге, одна нога короче. Он стоит и повертывается, кто бы ни проехал на коне, того дожидается; он же на одной ноге в перегон с конем сбирается. Ты с ним не езд. Он положит в бег в течении расстояния не дальше двадцати пяти верст, кто кого перегонит. Если ты его перегонишь — ты с него голову долой; если он тебя

— ты будешь его. Ну, можете с Богом ехать!» — «Затем, прощайте, красная девица, благодарим вас за ваше неоставление!» И поехал в путь-дорогу. Едет путем-дорогой и стоит царь Дорóда, — висит одна нога короче; кругом повертываются, с Ивашкой здороватся: «Здравствуй, Ивашка Белая Рубашка и Горький Пьяница! От дела лыташь, или дело пыташь? Куда путь держишь?» — «От дела не лытаю, а больше себе дело пытаю. Путь держу куды Бог приведет». — «Я тебя не пропущу! Давай поиграем в перегон!» Ивашка был сердит, крепко горяч; посмотрел и думает себе: «Может ли он меня на таком коне перегнать? Он старик, чуть может на одной ноге стоять...» Согласился Ивашка с ним в перегон поиграть. Они с ним побежали. Не больше Ивашка проскакал двенадцати с половиной верст. Царь Дорóда с ним вместе побежал, двадцать пять верст убежал и на двадцати верстах ему встречу повиделся; забрал Ивашку в свое жительство, и приводит его царь Дорóда в свой дом, а его дом был огорожен железным тыном, и на каждой тычинке круг дому человечьи головы, а на одной нет. И сказал царь Дорóда: «На этой тычинке быть твоей главе! Ну, я с тебя зря ее не сыму, а задам тебе разные задачи». У царя же Дорóды была вторая жена, из Ягих Баб; было у царя Дорóды двенадцать дочерей: одиннадцать от этой матери, а двенадцатая большая самая, была от первой жены. И было у них, у двенадцати дочерей, у каждой своя келья. Вот же царь Дорóда и говорит Ивашке: «Вот я тебя, Ивашка, запру в эту темницу. У меня есть двенадцать дочерей и двенадцать у них комнат; одиннадцать от этой жены, а одна от первой. Я тебе завтра выстрою их подряд всех. Если ты можешь узнать, которая у меня дочь от первой жены, тогда главу с тебя не сымаю, домом тебя наделяю; а не узнашь — голову с тебя долой». А где же Ивашке узнать? Он от роду их не видал. Запер Ивашку в темницу, запер его замками, завалил его камнями. Как глухая полуночь приходит, подходит к двери его же большая дочь, от прежней его жены, и стучит тихим стуком: «Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, что ты горько плачешь?» — «Ой еси, красная девица, как мне не плакать? Последнюю я ночь ночую на вольном свете». Отвечает ему красная девица: «Что на чтó и тебя за чтó?» — «Вот что приказал ваш-то тятенька: есть у него двенадцать дочерей, одиннадцать от молодой жены, а одна от старой жены, и хотел он мне их на утро вывести, а я их совсем не знаю». Отвечает она ему: «Ложись с Богом, спи, я придам тебе разуму. Он нас нарядит в одну одёжу; мы все равны: под один голос и под один волос, под одну черную бровь. Он меня поставит с правого боку, крайну. Прямо за меня и берись, а если он у тебя вырвет меня и скажет: «Девки, перебеги! и они перебегут; на послед того он опять расставит и поставит меня с левого боку, от края другою, то смотри держи

крепко. Если опть отнимет, не узнаю где поставит».

Он же лег молодец, спать не спит, свету дожидается и к смерти собирается. По утру встает ранёхонько, умывается горькими слезами белёхонько, печалью утирается, на́ смерть собирается. Является к нему нédруг царь Дорóда, расставил дочерей по порядку, подводит его к ним и говорит: «Ты же, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, по чистóму полю зря шатаешься, вот тебе задача. Не желаю с тебя голову снять, желаю тебе задачу дать. Хочу тебя обра́чить. Вот тебе двенадцать дочерей; узнай, которая дочь после той жены. Если узнашь — будет твоя обручевна́я жена, а не узнашь — голову с тебя долой». Ивашка тот час был больно невёсел, буйную свою голову повесил ниже могучиих своих плеч: ко злодею в руки попал. Подумал, подумал Ивашка: «Двух смертей не бывать, а одной не миновать! Что моей голове будет? Дай ее наказ исправлю». И брался Ивашка за красную девицу с правого боку, за крайну. Царь Дорóда видит дело неладно; из рук ее отымает, в кучу ее толкает. Сказал царь Дорóда: «Девки! Смешаться!» Одна за одну, другá за другú, склúбились и кучей сделались. Прозевал Ивашка. Он у него суженую из рук отнял, опять всех подряд расставил. «Ну, теперь же, Ивашка, узнай!» Ивашка кругом обошёл, подумал с своей с буйной головой. «Ах, да ну, — сказал Ивашка, — попытка не шутка, а спрос-то не беда ведь? Да-ка еще раз попытаю!» Смелым своём шагом с левого флáнку и цопнул вторую девицу и прижал крепко ее к себе. Царь Дорóда ее рвать и стал крепко отымать. Он — за девицу, девица — за молодца. И говорит девица: «Будет, тятенька, пыграл раз, а начни-ка снова!» Царь Дорóда и говорит: «На утро задачу задаю. Девки, по избам!» Девки разошлись по избам, и повел царь Дорóда Ивашку в тоё же темницу, где он ночь провел, и сказал ему: «Узнай — которая ее комната». — (А оне все подряд) и запер его замками.

Приходит царь Дорóда ко своей жене и говорит: «Узнал». Сердитыем, грубыем взглядом она глядела и говорит ему: «Где бы ему узнать? Ее б.....я мудрость!» И спрашивает его Ягая Баба, его жена, ее мачиха: «Что ты еще ему задал?» Отвечает ей царь Дорóда: «Узнать ее комнату». — «Ну, да ладно», — сказала жена.

Сидит Ивашка в темной темнице не пимши, не емши. Поплакал, поплакал и с горя песенки запел. Приходит к Ивашке глухая полуночь и такая на Ивашку грусть напала, опять горько заплакал. «Полуночные звезды, — говорит, — проходят, новые звезды к свету начинаются, я же, добрый молодец, смерти дожидаются!» Скоро является к нему нареченная невеста,

постучала в двери: «Ивашка! Отверзь мне двери!» — «Не могу отверзить двери: заперты». Она же пиннула ногой, и двери отперлись, и замки к чёрту убрались. Взошла, Богу помолилась, Ивашке поклонилась: «Здравствуй, милый мой нареченный жених! Что горько плачешь?» — «Как мне, горькому, не плакать? Я свету дожидаюсь и смерть блížится». — «Ложись, спи до светлá, не придет к тебе беда. Скажи, что тебе тятенька приказал!»

Отвечает Ивашка красной девице: «А вот что он мне сказал: затóпите вы свои все хаты вместе, узнать которая твоя». Вот девица и говорит: «Ложись с Богом, спи, научу как дело сделать. Как мы печки затопим, изо всех труб повалит дым столбом, а из мой трубы пойдет возжей. Тут и иди!» — «Хорошо». Ночь прошла, приходит свет. Идет царь Дорóда, запоры не попорчены. Красная девица сама отперла и опять его заперла. (Не мог он этого дела знать, что она у него была). К нему в темную темницу приходит, на вольный свет его выводит. И сказал ему царь Дорóда: «Узнай которая твоей невесты келья!» Кельи все, как одна, подряд стоят. Он смотрит: изо всех дым валит столбом, а из одной — возжей. Подумал же Ивашка: «Первый раз, — говорит, — не обманула, а попытка не шутка. Да-ка пойду тут, где велела». Взошёл Ивашка, Богу помолился, красной девице поклонился и говорит Ивашка: «Что, тятенька, тут ли зашел?» — «Тут, — говорит, — нареченный зять». Отправляется царь Дорóда к своей жене, рассказывает, что узнал. Отвечает ему жена: «Это не он узнал, а она узнала, она ему сказала». Велела ему Ягая Баба разлучить его с ней, запереть его опять в темну темницу. В íхем во дворе был протёк речки на десяти саженьях. Вздумала его жена: «Дай ему задачу, чтобы он на той стороне выстроил церковь круг одной ночи, чтобы было их где обвенчать».

Приходит царь Дорóда к ним в комнату. «Ну, пойдём, — говорит, — нареченный зять, в темницу. Задам я тебе большую задачу. Найми рабочих и плотников, чтобы круг ночи на этом острову была церковь устроена, было бы нам где тебя обвенчать». Ивашка Белая Рубашка говорит ему: «Сделаю, — говорит, — тятенька!» Научила его нареченная невеста и сказала: «Ложись с Богом, спи! Церковь будет готова!» Он спать не спит, в окошечко смотрит. Крик, превеликий зык, стукотня — приехали мастера, плотники и живописцы, церковь сделали круг ночи и иконы написали. Она на заряночке приходит, его обручевная жена, темную темницу расперлá и говорит Ивашке: «Переезжай, Ивашка, на лодке, прибивай пóлочки; я тятеньке отвечу, кто тебя выпустил». Приходит же царь Дорóда к Ивашке, хватъ — в темной темнице Ивашки нет. Ивашка в церкви. Приходит в церковь, осмотрел: отлично, хорошо. Ну, царь Дорóда по головке его погладил и не спросил, кто его отпер. Приходит царь Дорóда к своей жене и рассказывает,

что удивленье, какую у нас на острове нам зять церковь соорил. Эта же ее мачеха головой помотала, б...ю ее поругала: «Ох, ох-охо-охо! Это ее б...и мудрости! Ну, еще скажи, чтобы он завтра сделал мост через реку. В темницу не запирай, оставь его с ней». Приходит царь Дорóда к нареченному зятю, называет царь Дорóда: «Нареченный мой зять! Устрой круг ночи мост, чтобы где было тебе проехать к церкви, тебя обвенчать». Сказал ему Ивашка: «Будет, тятенька, готов; корми коней!» (А куды ехать? Будет только пешком пройти.) Приходит Ивашка к своей нареченной невесте, спрашивает его она: «Что сказал тебе тятенька?» Отвечает Ивашка ей: «Сó страхом тятенька сказал через эту речку сделать мост, круг ночи, где бы нам с тобой в церковь завтра пройти венчаться». Сказала ему нареченная невеста: «Ложись с Богом, спи, все будет дело исправно». — «Ну, да хорошо же». Лег Ивашка, спит и у д..ы пузыри. Слушает ночным бытом Ивашка: кто кричит «Тпру!», кто кричит «Но!» Везут лес на сваи, на огнивы и на мостовинки. Лесу навезли, стали работáть. Зорька занялась — мост готовый. Рассветало, вышел Ивашка с топориком, постукивает, перилки приколачивает. Приходит царь Дорóда, только ахнул: «Ах, да и будет! Я мудрен; он мудреней меня!» У царя Дорóды не пиво варить, не вино курить. Не спрося никого, сам их обвенчал и жить их заставлял.

Посылает наутро к ним в дом ее мачеха свою родную дочь: «Дочь моя мила, дочь моя разумна, поди сходи к зятю, скажи чтобы исправили мне обед: проздравить их с законным браком я приду». Приходит к ним ее неродная сестра, проздравляет: «Здравствуй, говорит, сестрица! Ты, говорит, нажила себе мужа, а мы не наживем во веки веков. Приказала, говорит, вам мамынька постряпать». — «Хорошо, говорит, скажи ей: будет готово». Посылает ее венчанная дочь Ивашку: «Иди, Ивашка, на скотный двор, поймай нет лучшего барана и тащи ко мне». Пошел же Ивашка, поймал барана, принес домой. Они прямо его в печь неснятого и положили. Приходит к ним мачеха. Пришла с сердцем: «Дай мне, б...ь, есть!» А она Ивашку оборотила иголочкой и сунула в стену, чтобы мачеха не видала; за стол ее сажала, барана на стол вынимала. Она стала жрать, стала живком глотать, всего съела, в полсыти не наелась. Скочила из-за стола и давай из стен мох теребить, его искать (съесть хотела). Только бы его захватить, дочь-то и говорит: «Мамынька! Ты мох-то вытеребишь, у меня келья-то студена будет». Сказала ей мать: «Ну, добро же, б...ь!»

Призывает наутро мать вторую родную дочь: «Поди же, иди да скажи зятевой дочери, как можно исправили бы мне обед». Приходит к ним дочь и неродная ее сестра. «Вот, сказывает, исправьте, сестрица, мамыньке обед».

— «Скажи, сестрица, что будет готов». Пошла молодая и сказала мужу Ивашке: «Принеси поди быка, пымай его за рога и веди его сюда». Ивашка пымал нет лучшего быка и обратал его за рога; кусками его изрубил и в печку положил. Положили и закрыли его крышкой. Является к ним гостья, неродная ее мать, и стала ее б...ю звать: «Дай обедать!» Обедать она ей собрала, а мужа своего Ивашку прибрала: оборотила угольком и положила в горнушку. Стала мачеха быка жрать, мослы в окошко кидать; всего сожрала и сыта не была. Сыта не была, скочила из-за стола и стала из горнушки жар хватать, только искры посыпались. Жар хватает и в кадык его кидает. И вот-вот только бы Ивашку сохватить и живком его сглотить, дочь и говорит: «Ох, мамынька, оставь-ка мне один уголек, чем будет мне завтра придуть огонек?» Она крепко на нее осердчала и из комнаты убежала. Дочь уголек из горнушки вынимала, духом его обдувала; из этого уголька Ивашку сработала и говорит: «Ох, милый мой друг Ивашка, нам с тобой здесь не житье. Айда-ка, лучше отправимся бежать, куда глаза́ глядят». Вот хорошо. Ивашка согласился на ее слова, и ударились бежать. Вдруг их хватились, что в доме их нет. Посылает неродная мать большую свою дочь их догнать. Села дочь в железную ступу и начала железным пестом погонять: «Ох да!» И сказала: «Гóлон гóлон голынгач!» Молодица учуяла, что земля дрожит, и говорит своему мужу Ивашке: «Гонят за нами в погоню. Припаду я к сырой земле — узнаю, кто гонит». Припала к сырой земле и говорит Ивашке: «Гонит, да только сестра». Махнула же она, молодница, левой рукой: сделала огромный лес, и не пролезет ее железный пест. Оборотилась дочь назад и говорит матери, что некуда ехать: темный лес. Посылает Ягая Баба своо мужа, царя Дорóда. Ох же царь Дорóда затопился, как мóлонья, живой рукой хочет догнать, ее отнять. У молодницы сердце закипело, и говорит она Ивашке: «Ох, Ивашка, гонят в погонь! Больно земля колухается, сам батюшка скачет. Ну да, говорит, страшен сон, да милостлив Бог!» Попросила Бога, махнула правой рукой; его оборотила цёрковой, а сама — дьячком. Царь Дорóда вошел в церковь и говорит: «Здравствуй, «дьячок!»» — «Здравствуй, царь Дорóда!» — «Чтó я тебя хочу спросить». — «Спроси, — говорит дьячок, — отведу». — «Не видал ли молодца с молодницей? Не проходили ли тут?» Дьячок говорит: «Третий год служу — не видал никого». Обращается царь Дорóда назад, прибегает к жене. Спрашивает его жена: «Что ты, где был? Далеко ли бежал? Кого видал?» — «Я, — говорит царь Дорóда, — далеко бежал, никого не видал, только видел церковь и дьячка». Сказала ему жена: «Ох, безумная старая твоя голова! Дьячок-от — она, а цёркова-то — зять. Не умел ты их взять! Дайте-ка мою железную ступу!» И стала пестом погонять, по три версты один прыжок давать, и хочется

больно их догнать. Шибким громом, с вихорем полетела и хвостом завертела. И учуяла ее дочь — земля поколыбалась, и говорит молодица Ивашке: «Ну, Ивашка, подумать надо: гонит сама матушка!» Села, подумала. Топнула своими резвыми ногами — разлилось большое молочное озеро. Махнула правой рукой — сделала берега кисельные; оборотила Ивашку сележком, а сама стала уточкой. И плавают по молочному озеру, киселек похлѣбывают, молочко прихлѣбывают. Подскакала их злодейка и сказала: «О, я вижу, б...ь, твое мудрости! Теперь я с тобой не расстанусь! Киселя наемся, молока напьюсь!» Кисель жрет, молоко пьет — озеро убывает. Они всхлопнут крылышками, полетят и сядут на озеро, поцелуются и врозь поплывут, Ягую Бабу поддразнивают. И говорит ей Ягая Баба: «О, б...ь, не дразни! Озеро высушу и кисель съем, и вас разорву!» Молока напилась и киселя наелась — тут ее и рѳзорвало. Я там был да мед, пиво пил; по усу текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, а мне слышалось: скинь кафтан! Скинул да на кустике и повесил, и топерь там висит. А Ивашка стал жить да поживать, да добра наживать, а худо-то проживать. Со спины-то стали горбѳтеть, а спереди-то стали богѳтеть.

(Записано со слов Абрама Новопольцева, крестьянина с. Помряськина, Самарск. губ. Ставроп. уезда)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.